

**Материал подготовлен
к публикации**

Людмилой Алябьевой,
руководителем Лаборатории
исследований практик
мендинга НИУ ВШЭ.

Дневники ремонта

В сентябре 2021 года мы с коллегами по Аспирантской школе по искусству и дизайну «Высшей школы экономики» (НИУ ВШЭ) и магистерской программе «Индустрия моды: теории и практики» Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН) объединились в Лабораторию исследований практик мендинга¹ (Mendit Research Lab), пригласив к участию близких по исследовательскому и творческому духу соратниц. В первую очередь участницы Лаборатории сконцентрировались на ремонте одежды, но решили не ограничиваться им, тем более что практики мендинга распространяются далеко за пределы вестиментарного поля: мы ремонтируем не только прохудившееся платье, но и сломанные руки, давшие течь отношения, душевные травмы. Ремонт оказывается формой сопротивления распаду, залатывание дыры оборачивается борьбой с хаосом и энтропией.

С самого начала Лаборатория стремилась совмещать привычные академические форматы (статьи, конференции) и собственно практику (совместные посиделки за починкой одежды), ориентируясь на формат Practice as Research. Наша Лаборатория стала пространством соисследования и сотворчества. Сегодня мы с полной уверенностью можем сказать, что ничто так не объединяет, как заштопанная совместными усилиями дыра.

Для этого номера «Теории моды» мы попросили участниц Лаборатории поделиться заметками на тему ремонта, никак не ограничивая их форматом. В итоге получился очень разномастный, но потому и живой, глубоко личный, хрупкий и очень человеческий материал, который мы предлагаем вашему вниманию.

Мы также пригласили к сотрудничеству нескольких междисциплинарных художниц, работающих в разных форматах и с разными медиумами, чьи произведения, так или иначе затрагивающие проблематику мендинга, вошли в этот номер (иллюстрации см. во вклейках 2 и 3).

Светлана Сальникова —

дизайнер одежды,
исследовательница локальных
культурных кодов, лектор, аспирантка
Аспирантской школы по искусству
и дизайну НИУ ВШЭ.

01.12.2021. Мне всегда казалось странным создавать летнюю коллекцию зимой, когда вокруг снег и темнота. Наверное, поэтому ее идеи крутятся вокруг либо мечты, либо памяти — о чем-то светлом, о возвращении в место, где спокойно и тепло. В этот раз это маяки — как символы опоры. Одежда как отметка памяти и зарубка на карте воспоминаний, одновременно как опора и маячок — возвращающая ощущения от прожитого и придающая силу настоящему.

15.01.2022. Как одежда оставляет следы в нашей памяти в виде чувства легкости или, наоборот, дискомфорта, в виде цветных пятен или тактильных ощущений, так и мы оставляем следы на вещах — одежда помнит наше тело. Пятно от кофе, зацепка или протертая коленка, дыра от ключей в кармане джинсов — все это следы повседневных дел — маячки того, что мы живы.

В традиционной культуре одежда хранила следы жизни не одного поколения. Сотканную своими руками одежду бережно ремонтировали и зашивали, ставили заплаты, заменяли изношенные детали на новые.

Как добавить новой одежде ощущение бережного отношения? Лоскуты от тканей и одежды предыдущих коллекций, которую нам приносят на переработку, мы режем на тонкие ленты и обрабатываем ими швы юбок и платьев, в надежде, что эти вещи когда-нибудь также вернутся к нам, чтобы быть использованными в будущем.

10.02.2022. Поездка в Мурманск дала остро прочувствовать темные пятна локальной культуры Севера. Мы будто пытаемся прикрыть жемчужной заплаткой огромную дыру в собственной идентичности размером в шестьдесят девять лет. Но не лучше ли не прикрывать ее, а подробно рассмотреть, заштопать цветными нитями и оставить на виду, не стирая из памяти и не заменяя фальшивой декоративностью?

В коллекции добавились модели черного цвета, все швы и края которых окантованы лентами разных цветов.

23.02.2022. Коллекция нарисована. Она об одежде как предметах, хранящих воспоминания. Завтра едем за тканями.

«Однако интерес к памяти не следует считать консервативной тенденцией; возможность пережить прошлое — проявление не эссенциализма, а бунта. Главное, чтобы память не становилась предметом идеализации, ничего не скрывала, не оборачивалась утопией, а видела в прошлом средоточие опыта, мятеж против устремленного в будущее современного мышления, против мышления, которое идеализирует и скрывает» (Vázquez 2009).

24.02.2022. Молча выбираем ткани. Вопрос «Кому теперь все это будет нужно?» рвет тонкую материю задуманных планов. Не находят слова, но руки трогают, мнут и гладят, ищут, полагаясь на чувства. Покупаем двадцать метров выстиранного с разводами красного льна и много черного батиста.

03.03.2022. Смыслы коллекции меняются, как и всего вокруг. Каждая модель подвергается сомнению — нужна ли она в мире, где нет мира? Я веду имейл-дневник, разговаривая лично с каждым подписчиком. Иногда приходят письма в ответ. Мы говорим о том, что слова лечат. Лечение, терапия, исцеление, починка, ремонт — то, чего требует уже не только одежда, но жизнь.

10.03.2022. В коллекции появляется идея вышивки как берега, защиты и памяти о моменте — красными нитями на белых брюках. Много думаю о том, что нужно вышить — знаки, слова, звездочки? Решаю,

что слова — как признак свободы — не должны быть навязаны дизайнером, а лучше предложить их вышить самостоятельно.

Сама вышиваю стихи Александра Фета о весне и несчастной любви с отсылкой к работе художницы Анны Самойловой «Россия. Моя несчастная любовь»:

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять (Фет 1959).

20.03.2022. Весь день делаю макеты нового жакета. Конструкция изрезана на полочке, спинке и рукавах, но тонкие длинные шнуры связывают эти дыры. Модель получается такой, что, надевая ее, человек довольно много времени проводит, обнимая себя и завязывая между собой десять шнуров. Телесная терапия. Одежда как процесс.

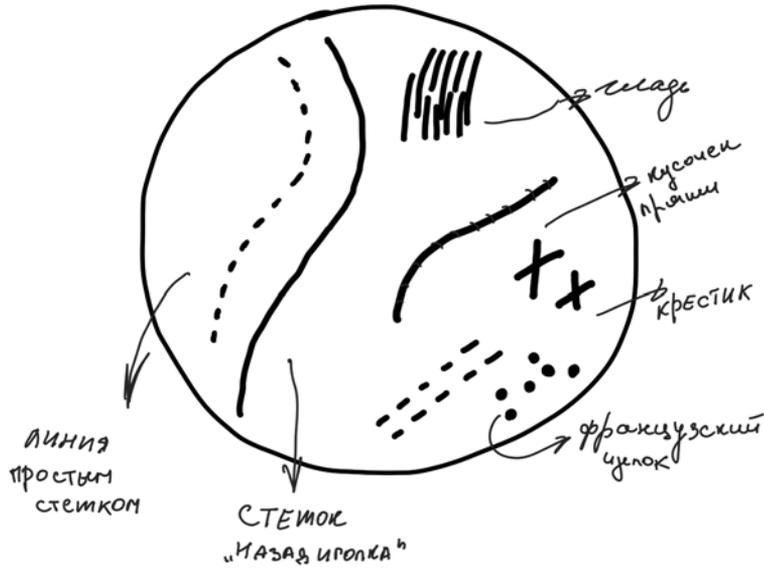
24.04.2022. Коллекция готова готова (см. вклейку 3). Она получилась об объятиях и заботе, о ранах и спасительной чистой воде, о бездонных черных дырах и цветных нитях воспоминаний, о бережном отношении к себе и другому.

На презентации мы перебинтовывали цветы. От тканевого белого экрана, на котором транслировали фильм Павла Павликовского «Zimna Wojna», отрывали ленту, писали слова поддержки и пожелания, перевязывая этой лентой несколько белых гвоздик как знак того, что сегодня мы многое можем вылечить и починить словами.

Галина Игнатенко —

исследовательница вышивки
в современном искусстве,
аспирантка Аспирантской школы по
искусству и дизайну НИУ ВШЭ.

Практики мэндинга стали частью моей жизни совсем недавно, раньше я понемногу тоже что-то зашивала, но это была скорее механическая работа. У меня не было привычки анализировать этот процесс. Став частью исследовательской лаборатории, я стала внимательнее относиться к каждой дырочке на одежде, к любому взаимодействию с материалами для рукоделия, с иглами, нитками. Задавая себе вопросы, можно сделать это прикладное занятие крайне интересным самоисследованием. Когда берешь в руки вещь с изъяном, сталкиваешься с внутренним вопросом. А что с ней делать? Выбросить? Починить? Использовать так? Всегда интересно, почему ответ оказался именно

© Галина Игнатенко

таким. Некоторые вещи носят годами, но эмоциональной связи не случается, другие же хочется бережно хранить, даже не надевая.

В конце февраля 2022 года у меня порвался пододеяльник. Казалось бы, совсем незначительное происшествие, но события последних дней влияли на восприятие даже в таком вопросе. Я взяла его в руки и смотрела на вещь, которая еще недавно была такой красивой и полезной и вот она испорчена за мгновение. Можно попробовать сшить, но как было уже не будет. Длинный шов, как шрам, остается заметным. В голове сменялись мысли: «Не время выбрасывать вещи» и «жалко, из ZARA, такой больше не купишь». Первое желание зашить показалось мне через минуту очень пессимистичным. Из состояния страха и тревоги трудно было поверить в то, что новое еще будет. Очень хотелось что-то чинить и зашивать из искреннего желания, ради заботы об окружающей среде, но не ради нужды, не из страха, что такой вещи больше не будет. Не приняв решение, я отложила пододеяльник.

Спустя несколько дней, в поисках успокаивающего занятия, я села повышивать, но под рукой не оказалось канвы. Ждать доставку не хотелось и оставлять идею тоже. Вдохновившись работой Луизы Буржуа Ode à l'Oubli, я решила разрезать пододеяльник на множество маленьких лоскутов, чтобы сделать своего рода текстильный дневник. Починить что-то можно, не только вернув предмету первоначальную форму, но и найдя ему новое применение, которое порадует.

Сшив несколько отрезков вместе, весь месяц я вышивала на них небольшие рисунки, слова и цитаты из песен. Мне нравится вышивать простыми стежками или гладью. Гладь дает ощущение свободы, ей можно сделать любой рисунок, менять его в процессе, экспериментировать. Такая арт-терапия может быть очень поддерживающей творческой практикой и способом использовать текстиль, которому хочется найти новое применение.

Ася Ападжалова —

коллекционер винтажной одежды, историк моды, лектор, исследователь, магистрантка программы «Индустрия моды: теории и практики» МВШСЭН.

Я постоянно что-то чиню: переставляю крючки на юбках, пуговицы на пальто, изменяю ширину вытачек, увеличиваю или уменьшаю размер одежды. Это потому что я практически постоянно ношу винтаж — то есть одежду, пошитую давно, тридцать лет назад и более; в те годы, когда шерсть была плотнее, шелк был легче и никакой лайкры. Винтажные ткани менее пластичны, чем современные: они практически не тянутся, за исключением кримплена и полиэстера. Поэтому винтажную одежду надо тщательно сажать по фигуре — только так она будет производить впечатление «красивой» и «оригинальной», а не «старомодной» и «с чужого плеча».

Умение сажать винтаж по фигуре и носить его — это целая культура. Чтобы в плечах не тянуло, в локтях не давило и в бедрах не морщило, приходится не только провести час-другой в ателье за подгонкой, но и впредь ходить с прямой спиной и следить за походкой, сидеть на краешке стула и забыть про привычку постоянно скроллить в телефоне: винтажные рукава не рассчитаны на то, чтоб локти подолгу были согнуты. Вся эта дисциплина — и есть результат культуры. Любительницы винтажа приучают свое тело к таким ограничениям, и умение носить вещи котируется не меньше, чем ценность самих вещей. Культуру можно привить, это процесс до определенной степени контролируемый. Но иногда любителю винтажной одежды приходится бороться с природой, и тут становится совсем непросто.

Природа берет свое и разрушает здания, превращая их в руины. Разрушение винтажной ткани — тоже работа природы и времени. Но хуже всего то, что природа разрушает привычные формы человеческого тела, видоизменяя их. Природа немилосердно увеличивает объемы талии и бедер, причем иногда по несколько раз в год, — или

катастрофически меняет размер одежды раз и навсегда, внезапно, не спросив, удобно ли это владелице. В моем случае природа явно отыгрывается: до тридцати восьми лет я сохраняла свой вес, привычный мне еще со студенческих лет. Но в последний год вес увеличился. Как следствие, сильно увеличились объемы талии и бедер — и это повлекло разрушение моего винтажного гардероба. Много лет я собирала одежду 1960-х и 1970-х годов, подгоняя предметы по фигуре, составляя комплекты в том числе и по пропорциям, — и вот теперь природа распорядилась всей этой работой по-своему.

Теперь я все время что-то чиню, вручную подгоняю по фигуре юбки и некоторые платья. Винтажные юбки встречаются в продаже редко. Из костюмов чаще выживают жакеты, так как их снашивали меньше. Приобрести же целый костюм из юбки и верха — большая удача, и у меня такие есть. Хорошо сохранившийся винтажный костюм, если он к тому же посажен по фигуре, — предмет незаменимый. Костюм вызывает доверие и транслирует окружающим компетентность своей владелицы. В костюме можно выступать на конференции и ходить на родительские собрания в школу. Но для должного эффекта костюм должен идеально сидеть. А это становится проблемой в случае увеличения объема талии и бедер, так как неэластичная ткань не сядет как надо сама.

Теперь я каждый раз, прежде чем надеть винтажную юбку, переставляю крючки и петли. Иногда это приходится делать прямо за минуту до выхода: кажется, что вещь подходит, но в последний момент оказывается, что нет. Новые петли, отстоящие от прежних на два, три, пять сантиметров, напоминают сантиметровую ленту с засечками, указывающими на рост живота, и когда этот рост прекратится, я не знаю: это все природа, и я не могу повлиять на нее. Я пришиваю новые петли для крючков на пояс юбки до тех пор, пока не заканчивается ткань пояса и расширять объем дальше некуда.

Я смотрю на переставленные или вовсе распоротые вытачки винтажного платья как на телесную карту: вот эта вытачка на месте, значит тут платье подходит мне; вот там ткань стала расходиться по шву, значит, объемы стали меняться. А вот и вовсе распоротая вытачка в виде ромба яркой, невыцветшей ткани. Это я отчаялась увеличивать объем: пусть уж будет хоть как-то.

Я проклинаю природу за эту дурацкую шутку: надо же было ей вмешаться в мой идеально составленный гардероб! Проклинаю и одновременно продолжаю кропотливо переделывать, желая побороть природу культурой, моей культурой навыков взаимодействия

с винтажной одеждой. Культура, по моим представлениям, должна победить.

Она всегда в конечном счете побеждает иррациональную и злую природу.

Ирина Балакшина —

исследовательница моды
и кураторских практик, аспирантка
Аспирантской школы по искусству
и дизайну НИУ ВШЭ.

Опыт мендинга и само изучение мендинга всегда разные. Это тот самый случай, когда за одним словом скрывается череда понятий, и только ты решаешь, в какой контекст ты будешь погружен. Иностранному слову, как правило, приписываешь больше значений, чем любому другому в родном языке. В этом его неоспоримое преимущество — в выборе угла зрения.

В попытках собрать по лоскутам мои мысли за полгода существования нашей лаборатории в единый текст я получаю совершенно не похожие друг на друга, иногда сшитые не стык в стык, не обрамленные никакой канвой отрезки разного размера и интенсивности впечатлений, но объединенные красной нитью вчувствования и тактильности. Об этом и будет мой первый пассаж.

Иногда не хватает пространства для рефлексии, когда ты загоняешь себя в угол бесконечным шумом — чужими голосами — не обращая внимания на собственный. Быть наедине с тканью — по сути быть наедине с собой, одновременно пребывая в сосредоточении и расслаблении ума. Как и любая ручная работа, mending kit, с помощью которого выполняются разные операции с тканью, служит продолжением тела, расширяет тело в пространство.

Шитье — это двусторонний процесс. От твоих движений, их характера, направления и силы зависит, что ты получишь в итоге. Насколько податливой будет ткань и будет ли, или же, наоборот, вашей встречи не произойдет. Важно, с чем ты работаешь: чуть сильнее потянешь, и шов пойдет уже по другой траектории; расслабишь — и потеряешь форму.

Вещь должна вызывать не только тактильный, но и эмоциональный отклик. Привязанности к одежде часто приписывают ярлык «женское». Эти отношения «человек и одежда»/«тело и ткань» настолько феминизированы, что искусственно создают незримую сеть женского комьюнити. И мы рады в нем оказаться. Принятие собственной

сути, как и принятие элементарных действий в виде накладки стежков и заплат, дает точку опоры в любое время.

«Встреча с женщинами в желтых платьях приносит удачу» (Дженна Росси-Камю).

Repair café — это не про починку одежды и даже не про кафе. Это про пространство терапии, заживления ран, залатывания дыр. То место, которое напрямую не носит это название, но создает такую воронку смыслов, что она сама затягивает любого, приближающегося словом или делом к ней.

Зашивая дыры на одежде, неважно, умешь ты это делать или нет. Важнее сам факт действия. Зачастую он обладает целительной силой. При невозможности помочь иначе, ты ощущаешь свою помощь руками — телесную сопричастность. Восстанавливая других, восстанавливаешь себя; как известно, помощь другому — это лучший способ помочь себе. И ничто так не лечит, как ощущение собственной полезности.

Болевые точки и переживания каждого дают ему поистине уникальный опыт мировосприятия. Вынужденно научный характер работы, бывает, убивает в исследователе жажду интуитивного познания природы вещей. Поэтому так важны заметки в автоэтнографическом ключе, которые не лишают автора свободы и фантазии. И рефлексии, на основе которой в дальнейшем можно будет делать какие-то выводы. Такие заметки — это не про стейтмент, не про высказывание и четкую позицию, защищаемую всеми правдами и неправдами; это — процессуальность и наблюдение, среда с мягкими границами и поглощающая ровно настолько, насколько и отдающая.

Наталья Гончарова —

психолог, исследователь рынка,
выпускница магистерской программы
«История и теория моды» РГГУ
(позднее программа перешла
в МВШСЭН под названием
«Индустрия моды: теории и практики»).

Когда известного и успешного драматурга Артура Миллера спрашивали, зачем он плотничает, хотя может позволить себе нанять строителей, тот отвечал: «Потому что создаешь что-то, что отбрасывает еще одну тень на Землю». Возможно, поэтому иногда ему же приписывают высказывание о том, что столярные изделия — это вторая жизнь дерева.

И — действительно: дерево получает вторую жизнь, когда становится стулом, комодом, ложкой-поварешкой, украшением. Причем иногда эта вторая жизнь может оказаться дольше первой, если предмет выполнен хорошо, качественно, а обращение бережное...

А вот если — нет, то тут возможны варианты. Сломанный стул можно отправить на свалку, можно — починить, а можно и переработать в новое изделие.

Последнее — именно то, чем я занимаюсь в последние три года, а именно — использую поломанные или отслужившие столярные изделия как материал для создания других, новых вещей. Если воспользоваться идеей Миллера, то получается, что с моей помощью у дерева время от времени появляется третья жизнь.

Старые стулья, столешницы, небольшие сундучки, остатки пиломатериалов, которые имеют изъяны и поэтому не годятся для изготовления мебели мейнстрима — тот материал, который я в числе прочего задействую в разработке и изготовлении своих изделий. Но началось все совершенно случайно с использования старых винных ящиков, которые оказались под рукой в начале пандемии и карантина, когда другие нормальные столярные материалы были временно недоступны.

С этих ящиков началась работа в стиле upcycling — создание новых предметов мебели из старых. Почти все изъяны, следы использования — царапины, трещины, пометки и надписи, сколы, дырки и прочие дефекты изделий-доноров я стараюсь сохранить в новом предмете мебели. Конечно, если дефект серьезный и несовместим с конструктивом, то эта часть ремонтируется или реставрируется. Однако чаще всего получается сохранить эти отметки времени — называю их «морщинки» — без серьезного тюнинга. И уже в новом предмете «морщинки» рассказывают свою историю, делая каждый предмет уникальным.

Не только ящики и остатки пиломатериалов — обрезки кожи и замши, флисовой ткани, другие материалы становятся частью новых изделий. Как целые, годные, так и с дырками, потертостями и прочими недостатками. В этом случае нужен ремонт ткани, чаще всего делаю его с помощью заплаток. Во-первых, заплатки поддерживают концепцию upcycling — ведь они необязательно должны быть из той же ткани и незаметны, а значит, для заплатки можно использовать материал другой тряпочки-донора. Во-вторых, все-таки я делаю мебель, которая используется довольно активно и должна быть прочной, а заплатка очень прочно соединяет края поврежденной ткани, позволяет укрепить со всех сторон.

Получаются такие предметы мебели, которые сделаны под конкретного человека или просто очень подходят конкретному пользователю.

Елена Ермаковишна —

искусствовед, дизайнер,
продюсер культурных событий,
аспирантка Аспирантской
школы по искусству и дизайну
НИУ ВШЭ.

1. Мендинг пространств

Моя память — лоскутное одеяло, мое тепло и защита.

Паола Волкова

Для меня мендинг особо важен в значении латания дыр в памяти. Впервые с пониманием мендинга как штопки памяти я столкнулась в нашей первой совместной поездке Mendit Research Lab. Ездили мы в Музей дыр и заплат (Учма), который создали супруги Елена Наумова и Василий Смирнов. До глубины души меня поразила простота и ясность главной мысли этого проекта — кроме одежды, починить можно память.

За эти полгода, что мы регулярно встречаемся в Mendit Lab, я как в драгоценную шкатулку собираю примеры поразительного мендинга памяти пространств. В этой заметке хочу поделиться тремя бриллиантами из своей коллекции.

Музей-квартира «Полторы комнаты» (Санкт-Петербург) — удивительно тонкое и ясное мендинг-высказывание. Здесь нет тривиальных мемориальных предметов, но здесь есть честные истории и классная сценография повествования. Начиналось все с полутора комнат, в которых проживала семья Бродского, о жизни в которых Иосифом написано одноименное эссе. Эти сорок квадратных метров расположены на втором этаже доходного дома Мурузи, и в этих комнатах до революции, скорее всего, располагалась библиотека. Кураторы проекта изящно ушли от банальных реконструкций быта. Это пространство, совершенно пустое, но вы увидите все слои его истории. Кураторы не стали воссоздавать мемориальные предметы, они даны проекциями, фотографиями и рассказами, и именно эта метафизичность починки и штопки истории производит пронзительное впечатление. Полупрозрачными заплатами складывается форма и реконструирует историю.

Качественным примером починки памяти о месте стал для меня коворкинг «Коломенский шелк» (Коломна). В историческом здании бывшей шелковой фабрики купцов Бабаевых, где в советское время располагался завод грампластинок, воплощен коворкинг. Это место создала команда Натальи Никитиной, которая всегда работает с архивами и раскрывает первоначальные истории пространств Коломны. Этот коворкинг предлагает работу с ремесленными практиками

и работает как музей (сейчас экспозиция активно собирается, организаторы разыскивают и закупают ткани, которые раньше производились на фабрике Бабаевых, такие как шелковый атлас, бурдесуа, фай, штоф, шелковые и канаватные свадебные платки). Работа с историей места позволяет вернуть жизнь пространству и дает дополнительные смыслы, кроме эстетичности локации.

Очень красивой и эстетичной является для меня работа по починке Анненкирхе (Санкт-Петербург). Эта евангелическо-лютеранская церковь была построена еще в XVII веке, позже перестраивалась, но в 2002 году случился пожар. Идея восстановления пространства в том, чтобы законсервировать то состояние, какое осталось после пожара. Не прятать следы травм, а зафиксировать от дальнейшего разрушения. Ведь иногда наши шрамы говорят о нас больше, чем слова. Пострадавшие от огня, потемневшие колонны и стены подсвечены, и этот мистический, естественно состаренный интерьер, со своей неспрятанной историей производит почти магическое впечатление. Подвалы Анненкирхе отреставрированы — полностью оштукатурены, и когда попадаешь в них после основного пространства, понимаешь, насколько эти помещения смыслово обеднели.

В нашей Mendit lab мы исследуем понимание мендинга и расширяем его. Починить можно многое: тела, здания, сообщества, потому что мендинг — это не только ремонт одежды или обуви. Кроме материальной починки, существуют и метафизические дыры и заплатки. В Учме в одной из локаций приведен фрагмент Евангелия от Матфея, в котором говорится, что на «старые одежды не добавляют выбеленные ткани, вновь пришитое отдерет старое». И действительно, если в Анненкирхе представить новый «евроремонт», вся магия этого места, с болью пожара, травмами разрушений, уйдет.

2. Мендинг как предчувствие

Два месяца назад наша лаборатория с исследовательскими целями посетила фонд «Второе дыхание» (написав «два месяца», я подумала, что это было в прошлой жизни). Кроме самого склада и сортировки, мы посетили и мастерские фонда, где в процессе нашего мендинг-застолья сформулировалась мысль. Собранные вещи становятся свидетелями разных событий, рассказывают честные истории, и каждая починка — это новая часть историй.

В ту встречу я принесла любимую водолазку, приобретенную в Грузии (что уже начало ее истории), на починку. Я очень люблю ее за тонкий полупрозрачный трикотаж. Но, как любой трикотаж, нити старятся, и изделие начинает покрываться небольшими дырочками.

В процессе мендинг-застолья мне пришел образ слез, которыми постепенно покрывается моя водолазка. Это вышитые черные слезы. И сначала я подумала, что это слезы по любимой вещи. Но спустя неделю я осознала, что мои интуиция и подсознание видят дальше, чем мои глаза.

Черная водолазка с постепенно проступающими черными слезами сегодня для меня акция, мое оплакивание свободы и планов на будущее. Материальное воплощение процесса с хронотопом и зрителями, где с каждой новой травмой вещи высказывание становится все более выразительным и ясным.

Мендинг — это починка, ремонт вещей, но иногда это просто канал для реализации или выхода наших интуиций. Так мендинг стал для меня инструментом для тихого высказывания. Тихого бунта, который остается нам сегодня.

3. Мендинг как терапия

У меня есть собственный бренд одежды «Ермаковишна». Это достаточно концептуальная одежда, и создается она скорее для самовыражения, чем для добывания денег. В последнюю неделю, чтобы выйти из оцепенения ужаса, я начала создавать небольшой летний дроп. Для бренда «Ермаковишна» всегда было важно осознанное употребление, и я пробовала вводить апсайклин-вещи в коллекции с 2018 года, но лишь в начале 2022-го такие вещи стали приобретать. И вот в работе над летним дропом, распуская рубашки, бывшие в потреблении, неосознанно начала рвать выпады на тонкие ленты. Это была неясная и непонятная потребность рвать и распускать, прорывать свой гнев, тревогу и страх неизвестности. Как использовать эти ленты, пришла идея лишь через неделю. Гору рваных полос собирать в одну большую ленту и использовать как завязку в новом изделии.

Осознание процесса рванины пришло лишь сейчас. Облачая опыт в слова, я поняла, что это была терапия. Терапия руками. В Музее дыр и заплат экскурсовод и основатель музея Елена Наумова нам рассказывала о ковриках из обрезков тканей. Показывала, как в деревнях осваивали каждый кусок материи и «расстригали на коврики». Такие коврики делала и моя прабабушка, но я никогда не видела ее за этой работой. Но мое тело и руки вспомнили быстрее, чем осознала голова.

Сейчас для меня мендинг — это практика спасения моего ментального здоровья, латания дыр в душе. В завершение воспользуюсь лозунгом из советского журнала, который мы видели в экспозиции музея: «Рукоделие излечивает гнев и заполняет жизнь».

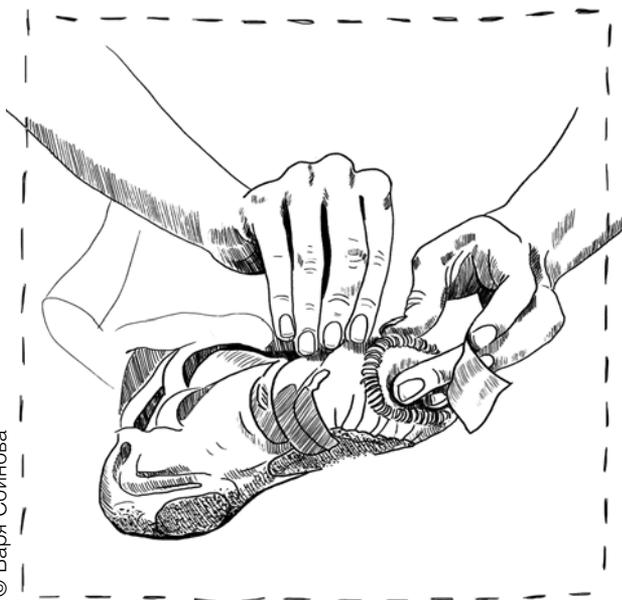
Дарья Горбачевич —

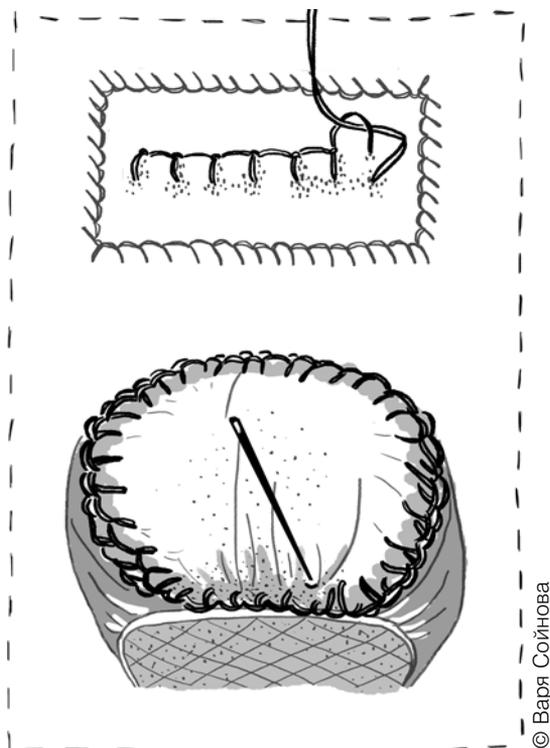
культуролог, исследовательница
балетного театра и танца, аспирантка
Аспирантской школы по искусству
и дизайну НИУ ВШЭ.

Морис Бежар когда-то придумал для выдающейся итальянской балерины XX века Карлы Фраччи небольшую хореографическую композицию под названием *L'Heure exquise*, премьера которой состоялась в 1998 году. В 2021 году 57-летняя Алессандра Ферри, другая итальянская артистка балета с мировым признанием, выступила в этом танц-спектакле, восстановленном премьером Гамбургской труппы Карстеном Юнгом. В спектакле идет речь о воспоминаниях юности пожилой балерины, что подчеркивается сценическими декорациями, состоящими из балетного станка и горы пуантов... Буквально — горы... А также шкатулкой для организованного хранения швейных принадлежностей, расписанной красочными цветами.

Вспоминаю, что моим первым «хранителем» катушек бледно-розовых и белых ниток, а также иголок разной длины, атласных пыльно-розовых тесемок и резиночек, маникюрных ножниц, наперстка, зажигалки и канифоли был небольшой розовый пенальчик, на котором были нарисованы все те же балетные пуанты. Мне семь лет. Да, юные балерины всячески подчеркивают свою принадлежность к тому уникальному сообществу, членами которого они становятся в совсем раннем возрасте, особенно в первые годы обучения в хо-

реографическом училище. Тогда же они сталкиваются не только с практикой физического конструирования своего тела, оттачивая первые комбинации у балетного станка в рамках ежедневного экзерсиса, пытаясь превратить свою стопу в иглу, способную в *battement tendu jeté piqué* «уколоть» пол. Тогда же реальная игла становится постоянным спутником их жизни, как и булавки, нитки, ножницы — верные помощники в поддержании опрятного состояния внешнего вида, а именно тренировочных трико, балеток, купальника, а затем и пуантов.

После гимнастики «побежала» стрелка на капроновом трико... а еще классика впереди... и вот ты сидишь и пытаешься «замаскировать» ее, закрепляя бесцветным лаком конец стрелки, чтобы не поехала дальше, и тонкими стежками стягивая ее саму... Ты просто виртуоз шитья, если педагог в течение занятия не замечает стрелки. В противном случае — обвинение в неуважении и визуальном искажении линии ноги...

«К сожалению, обширные рваные раны не затягиваются. Нужна пересадка тканей. Возьмем с этого бедра и с этого, тонкий слой, поверхностный. Разделим на мелкие квадратики, растянем и, как заплаточки, наложим на рану. Они потихоньку срастутся. Будем очень кропотливо работать. Линия ноги? Нет, к сожалению, небольшая впадина останется, как и шрам, конечно, это же сросшиеся лоскутки кожи...»

И вот трико летит в мешок с «балетным», но не выкидывается, так как в нем все еще можно заниматься на гимнастике, народном танце, на актерском мастерстве. Насмотревшись на «старшиков», замечаешь, что, когда сотрется пятка и появятся дыры на пальцах, можно

будет обрезать трико по шиколотку, обшить по окружности и сделать себе репетиционные лосины. Взрослые балерины часто на репетициях надевают именно обрезанное трико, а пуанты, балетки или характерки — на голые стопы. Причины: с одной стороны, убежденность в том, что так стопа лучше чувствует и контролирует пуант или иную танцевальную обувь, а с другой стороны, визуальная обманка — удлинняются ноги.

Смотрю на эту гору балетных туфель... Думается, что штопка балеток и пуантов — отдельное искусство и индивидуальный почерк каждой артистки/артиста балета, который также развивается с самого детства. Гора пуантов, которая служит сценическим атрибутом спектакля Бежара, — это реальность жизненного мира каждой балерины. У каждой балетной танцовщицы есть своя небольшая гора балетных туфель: мягкие — для одних партий, жесткие — для других, любимые — для важных репетиций, проверенные — для регулярных репетиций, концертные — для генеральных прогонов и спектаклей. У каждой также есть собственный ритуал подготовки пуантов под свою стопу: разбивание молотком или скалкой стакана (или коробочки) пуанта, отмерив толщину в два-три пальца от верхнего ребра пятка; расцарапывание подошвы ножницами, чтобы в углублениях застревали гранулы канифоли — во избежание скольжения; избавление от шнура в кулиске или же затягивание его до необходимого состояния, отрезание лишнего и прижигание кончиков...

«Банты тут никому не нужны!»

...пришивание тесемок (ленточек) и резинок-невидимок, чтобы не спадала пятка; легкое сгибание жесткой стельки пуантов в области пятки...

Основной риск — привести пуанты в негодность уже на этом этапе подготовки, при чрезмерном усердии подгонки их к анатомической структуре стопы.

«Надо обладать своего рода бесстрашием, чтобы взяться за ножницы и нарушить границы некой вещи, которой уже был дан образ и задана функция», — сказала она. «Или безжалостностью», — ответила я.

Подготовка пуантов кажется какой-то интуитивной магией, которой обладает каждая артистка балета. Однако самым «интимным» элементом этого осваивания балетных туфель, ставшим для меня в юности маленькой отдушиной, медитативной практикой и проявлением самой искренней заботы о своих «вторых стопах», является обшивка пятка. Присмотритесь к той горе пуантов, которые окружают Винни, главную героиню балета *L'Heure exquise*. Обратите внимание на «пяточки» пуантов. Вы увидите разные техники их обработки или

© Варя Соина

индивидуальные проявления труда множества разных рук и разных душ... Галина Уланова обшивала свои пуанты в 1950-е годы, и, можно сказать, эта традиция передавалась из поколения в поколения. Но нет, не из уст в уста...

«Мам, нам сказали обшить пяточки пуантов... Я не знаю как...» — безысходно.

«Хм, ну давай как-нибудь сообразим», — отвечает мама.

Пятак может обшиваться петельным швом по окружности, когда основная линия шва тянется по «внутренней» стороне его окружности, а петельки как бы «лапками» захватывают «внешнюю» окружность пятака. Узелок прячем под складки стянутой атласной ткани со стороны подошвы. Нитки толстые. Шов плотный. Закрепляем простым обметочным швом снова по окружности. После обшивания атласная ткань внутренней области пятака может быть аккуратно вырезана, обнажая его джутово-картонную основу, чтобы не наблюдать безобразные лоскуты порванного атласа после первой же репетиции.

Я обшивала пятак полностью, схватывая петельным швом не только окружность, но и всю внутреннюю область пятака... Сначала стандартно — по окружности, а затем, начиная с верхнего ребра пяточка, двигалась к самому стыку с подошвой. Словно медленно спускающиеся кулисы, строчка за строчкой... — такая ассоциация возникала в моей голове каждый раз...

«Тебе разрезы склеивали биологическим клеем? А мне по старинке. Заштопали, можно сказать. Вот тут, около уха, где околоушные железы. ...Чувствуешь прикосновение?»

Помню, как практика обшивки ушла из нашей рутины... На рынке появились кожаные накладные пятаки. Все обзавелись клеем «Момент»... Медитативную рукодельную практику обшивки под любимую музыку в наушниках вытеснили пятиминутные хлопоты с приклеиванием накладных кусочков искусственной/натуральной кожи в атмосфере резкого неприятного запаха...

«Хотела сделать тату, там, где у меня этот большой шрам... Переозначить, так сказать. Раз все равно смотрят, пусть хоть что-то приятное на ум приходит...»

«Некоторые мастера тату принципиально отказываются набивать в подобных местах, где поврежден кожный покров».

«Почему?»

«Говорят, что кожа им не отвечает...»

Еще одной одновременно функциональной и эстетически привлекательной деталью в пуантах была «паутинка» на месте V-образного выреза. Она стягивала вырез и становилась своего рода опорой для слишком развитого подъема балерины, чтобы он чрезмерно не вываливался. Кто-то просто схватывал два ребра выреза белой нитью в несколько слоев, но некоторые делали из этого элемента ажурный акцент.

Горы «мертвых» пуантов... Или горы ручного труда, чужого и собственного... горы часов перевоплощений... горы воспоминаний... Сентиментальная привязанность.

А ведь выбрасывать их неразумно, они не перерабатываются...

«Суть предмета некоторым образом связана с его остаточностью: не обязательно с тем, что остается после использования, а просто с тем, что отбрасывается» (Барт 2020: 52).

Нина Вересова —

текстильная исследовательница,
мультидисциплинарная
художница, дизайнер одежды,
преподавательница Британской
высшей школы дизайна.

Как отремонтировать носок с динозаврами

Красивый розовый носок, который я носила с сандалиями, чтобы все видели красивых динозавров, которыми он усыпан. В начале июля

поездка на самокате в этих носках закончилась падением и сломанной рукой. На одном из носков появилось пять дырок. Выбрасывать его не хотелось, но и чинить тоже. Так он пролежал до января. Чистый, красивый и дырявый. В январе захотелось его починить во время зума про починку и перформанс.

Динозавры были белые с черным контуром, а подходящего розового цвета не было. Было решено смешать белую и черную нить, сделать починку видимой и нарядной, в рифму к динозаврам.

Это был первый опыт штопки трикотажа. В голове была схема с поднятием петель. Я решила ее попробовать на длинной дыре, там где петли слетели. Получилось упорядоченно и нарядно. И даже совершенно неожиданно, что все держалось.

Остальные четыре дыры были заштопаны классическим методом переплетения нитей.

Так динозавры обрели второй шанс и красивые островки починки, среди которых они скачут.

Литература

Барт 2020 — Барт Р. Сай Твомбли. М.: Ad Marginem, 2020.

Фет 1959 — Фет А. Полное собрание стихотворений. «Еще весна, как будто неземной...» Л.: Советский писатель, 1959.

Vázquez 2009 — Vázquez R. Modernity coloniality and visibility: The politics of time // Sociological Research Online. 2009. 14 (4). Pp. 109–115.

Примечание

1. Мендинг — от англ. to mend — ремонтировать.